

И.С. РЫБАЧЕНОК

БОРЬБА ЗА ТЕЛЕГРАФНЫЙ КАБЕЛЬ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ (на рубеже XIX–XX веков)

Международные концессии на участки территории, добычу полезных ископаемых, строительство каналов, шоссейных и железных дорог получили значительное распространение с середины XIX в. Все шире раскидывал свои сети проволочный телеграф, ставший важным средством коммуникаций. В начале XX в. общая протяженность телеграфных линий в мире составляла около 8 млн. км. Совершенствование технологии позволило сооружать подземные и подводные телеграфные линии. Конкуренция держав за получение концессий на проведение и эксплуатацию этих линий становится важной составной частью в их соперничестве на мировой арене.

Существенной составляющей успеха десантной операции на Босфоре, которую в случае кризиса в Османской империи планировали в Петербурге, было наличие стабильной связи и оповещения. Этот аспект проблемы, к сожалению, не получил пока освещения в отечественной литературе. Между тем обеспечение надежной телеграфной связи с Константинополем играло важную роль как в торгово-экономическом, так и в военно-стратегическом отношениях. Последний аспект заслуживает особого внимания при раскрытии темы, поскольку быстрая передача информации “для своих” и гарантия сохранения в тайне “от чужих” начала проведения операции имели первостепенное значение. Добиться этого было далеко не просто.

Любопытно отметить, что на рубеже XIX–XX вв. использовались как очень старые и простые в техническом отношении средства связи – голубиная почта, так и новейшие, еще только входившие в употребление – беспроволочный телеграф, как первоначально называли радио. Так, в Буюк-Дере существовала почтово-голубиная станция, на содержание которой Главный штаб военного министерства ежегодно препровождал посольству в Константинополе вексель на определенную сумму¹. В 1899–1902 гг. эта сумма составляла 42 511 ф.ст. (400 руб.)². По мнению военных, средств было недостаточно. В июне 1900 г. начальник Главного морского штаба Ф.К. Авелан предписал, чтобы для дрессировки голубей посольский стационар – канонерская лодка “Черноморец” – один раз в две недели выходил в море³. Позже сумма была увеличена⁴.

По сведениям французской исследовательницы М. Авис-Анун русские и французские военные на основе решений совещания 1900 г. начальников Генеральных штабов двух стран обсуждали возможности использования голубиной почты. В 1900–1902 гг. в этих целях разрабатывались специальные маршруты и делались попытки наладить

Рыбаченок Ирина Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

¹ Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (далее – АВПРИ), ф. 149, оп. 502/2, д. 9.

² Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 6774, л. 1–8.

³ Там же, д. 3498, л. 1, 2–2об.

⁴ Там же, д. 6774, л. 9–10.

связь между Россией и Францией через Данию (где существовала станция), но к 1911 г. от этого способа связи отказались⁵.

Что касается беспроводного телеграфа, то в его применении предпринимались самые первые шаги. Русский изобретатель А.С. Попов провел в 1896–1899 гг. ряд удачных опытов установления радиосвязи, в том числе – между кораблями на Балтийском и на Чёрном морях. Увы, они не встретили поддержки в морском министерстве России, тогда как итальянец Г. Маркони, ловко сумевший получить английский патент на устройство беспроводного телеграфа, организовал частную фирму и уже в 1899 г. осуществил радиопередачу через Ла-Манш, а на следующий год – через Атлантику⁶.

Однако основным средством сообщения в то время служил проволочный телеграф. За контроль над телеграфной линией Одесса – Константинополь на рубеже веков завязалась ожесточенная борьба. Русско-турецкая конвенция о проведении телеграфного подводного кабеля Одесса – Константинополь была заключена 21 октября 1871 г.⁷ На ее основе голландскому обществу, уступившему затем свои права английскому Черноморскому телеграфному обществу (The Black Sea Telegraph Company), 26 января (8 февраля) 1873 г. была выдана концессия на эксплуатацию этого кабеля⁸.

Аппараты Морзе по системе симплекс или дуплекс (в зависимости от количества корреспонденции) передавали 250 депеш в сутки. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. объем передаваемых телеграмм возрос до 1000 в сутки за счет установки быстро действующих аппаратов Ч. Уитсона. Но состояние дел телеграфного общества было далеко неблестящим и даже убыточным: сбор за передачу телеграмм едва покрывал расходы по эксплуатации кабеля, вследствие чего была установлена пословная субсидия от России и от Турции по 60 тыс. фр. в год с каждой стороны.

Серьезную обеспокоенность военного и морского ведомств России вызывало и то обстоятельство, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Порты прекратила всякие телеграфные сношения с Россией. В первоначальном проекте концессии сохранилось условие: в случае войны передача частных депеш, содержание которых не касается военных, правительственных и политических дел, не прекращается. Однако по настоянию турецкой стороны это условие исключили, чтобы не затягивать переговоры. Таким образом, в дальнейшем гарантия сохранения надежной телеграфной связи в случае каких-либо осложнений на Балканах отсутствовала. События 1896 г. лишний раз это подтвердили. По решению Особого совещания в случае необходимости посол в Константинополе А.И. Нелидов должен был подать сигнал к началу действий, отправив в Петербург телеграмму вполне невинного содержания: “Давно без известий”. Однако из-за поломки кабеля (случайной или нет – неясно) телеграфная связь прервалась на четыре недели.

30-летний срок действия концессии истек в январе 1903 г. Статья девятая конвенции предусматривала сохранение за концессионером права дальнейшей эксплуатации кабеля при точном соблюдении им условий, и если между Россией и Турцией не последует взаимного соглашения на передачу концессии другому лицу. В 1901 г. уполномоченный Черноморского телеграфного общества в Петербурге обратился в Главное управление почт и телеграфов с предложением либо предоставить ему дальнейшую эксплуатацию кабеля на прежних условиях, либо выкупить его у телеграфного общества за 3,25 млн. фр.⁹ России предстояло сделать выбор.

Правда, имелся и альтернативный вариант – провести новый телеграфный кабель между Севастополем и Варной. Вопрос о прокладке такого кабеля, возбужденный по

⁵ *Avice-Hanoun M. Les relations strategiques franco-russes de 1892 à 1914. Thèse pour doctorat de l'Université. Paris, 2000, p. 207–209.*

⁶ См. *Виргинский В.С., Хотеев В.Ф. Очерки истории науки и техники. 1870–1917. М., 1968, с. 156–162.*

⁷ Полное Собрание Законов Российской империи (далее – ПСЗ). 1872 г., ст. 50 841.

⁸ ПСЗ. 1872 г., ст. 51 819.

⁹ АВПРИ, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 11–15об.

инициативе дипломатического агента в Болгарии Н.В. Чарыкова, еще в 1896 г. рассматривали соответствующие ведомства в России. Предложение не было принято, поскольку затраты сочли неоправданными. Дело осложнялось еще и тем, что дипломатические отношения между Россией и Болгарией, разорванные в 1886 г., были только что восстановлены, но пока не достаточно прочно налажены.

В конце 1900 г. вопрос о прокладке кабеля по просьбе своего правительства поставил болгарский представитель в Петербурге Д.И. Станчов, подчеркнувший значение этой линии в военно-политическом отношении и для роста торговых сношений. МИД России учитывал важность надежной и обеспеченной от иностранного посредничества телеграфной связи со своими представителями на Балканах. Поэтому министр иностранных дел граф В.Н. Ламздорф полагал, что политические основания в пользу такого решения вопроса не только не уменьшились с 1896 г., но напротив, побуждают еще настойчивее добиваться этой цели, поэтому следует воспользоваться готовностью болгарского правительства к сотрудничеству¹⁰.

Однако специальная комиссия, рассмотрев дело по поручению министра внутренних дел России, не признала его полезности¹¹. Но после того, как в августе 1901 г. Николай II приказал обсудить вопрос, специальная комиссия, заседавшая 13 октября 1901 г., вернулась к нему в контексте обращения представителя Черноморского телеграфного общества о продлении срока концессии.

В ноябре 1901 г. по инициативе МВД началось междуведомственное согласование позиций. В морском и военном министерствах полагали, что кабель Одесса – Константинополь следует, несмотря на значительные материальные издержки, иметь в руках русского правительства; телеграфную же станцию в Константинополе обслуживать русским, а не турецким персоналом¹². Военные и моряки оптимальным вариантом считали получить в свое распоряжение оба телеграфных кабеля на Чёрном море. В случае войны это гарантировало бы от вероятных попыток противника прервать связь¹³. В декабре эти наметки сообщили В.Н. Ламздорфу, который проинформировал посла в Константинополе И.А. Зиновьева¹⁴.

В совещании по вопросу о прокладке кабеля Севастополь – Варна, состоявшемся 7 января 1902 г., присутствовали главы всех заинтересованных ведомств: финансового, государственного контроля, военного, морского, внутренних и иностранных дел¹⁵. Все участники совещания – С.Ю. Витте, П.Л. Лобко, А.Н. Куропаткин, П.П. Тыртов, Д.С. Сипягин и князь В.С. Оболенский (заменивший В.Н. Ламздорфа) – сошлись на том, что, поскольку “главные наши политические задачи, касающиеся Ближнего Востока, сосредоточены на Босфоре”, нужно добиться такого “телеграфного сообщения Босфора с Россией, которое надежным образом могло бы служить интересам русского правительства” как в мирное, так в особенности и в военное время.

Исходя из политических и стратегических соображений, совещание высказалось за то, чтобы не оставлять кабель Одесса – Константинополь в руках Черноморского телеграфного общества, по существу английского, после истечения срока концессии. Для принятия окончательного решения предстояло предварительно узнать: возможно ли приобрести кабель; стоимость сделки; необходимость прокладки к Босфору другого, нового кабеля из Одессы или Севастополя и рассчитать соответствующие расходы; определить место станции на Босфоре и условия организации службы; наконец, разработать систему дополнительных мер для обеспечения действия телеграфной связи в случае разрыва с Турцией и вероятной порчи кабеля в водах Босфора. Дело поручили специальной комиссии под председательством Петрова.

¹⁰ Там же, д. 6813, л. 13–15об.

¹¹ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 15–16.

¹² Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 17–17об.

¹³ Там же, л. 21–21об.

¹⁴ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 8–10об.

¹⁵ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 23–25.

Главным было выяснить: готово ли турецкое правительство идти навстречу предложениям русского? 2 (15) марта 1902 г. Ламздорф запросил мнение Зиновьева о кабелях Севастополь – Варна и Севастополь – Бизерта¹⁶. Дело в том, что обозначилась еще одна возможность попытаться изъять телеграфную связь с Босфором из рук англичан.

В свое время на совещании начальников Генеральных штабов России и Франции в феврале 1901 г. французская сторона поднимала вопрос о прокладке подводного кабеля между Тулоном и Севастополем. Однако русской стороной проект был отклонен¹⁷. В Париже разработали новый, и 13 (26 марта) 1901 г. посол в Петербурге граф Г. Монтебелло по поручению правительства обратился в российский МИД с памятной нотой. В ней запрашивались условия, на которых русское правительство согласилось бы на прикрепление к русской территории подводного кабеля, могущего соединить Севастополь с Бизертой, а также условия, на которых Черноморское телеграфное общество прикрепило к русскому берегу кабель Одесса – Константинополь¹⁸.

МИД доверительно запросил мнение МВД по поводу этих предложений¹⁹. Из ответа Сипягина от 18 апреля 1901 г. следовало, что, при условии согласования вопроса с военным и морским министерствами, он в принципе не возражает против прокладки такого кабеля. Вместе с тем он настаивал на соблюдении двух условий: в специально заключенной конвенции оговорить обязательство французского правительства устроить и содержать в исправности на свой счет линии (воздушной или подземной), соединяющей подводный кабель с севастопольской почтово-телеграфной конторой, а свою местную станцию полностью оборудовать всем необходимым и также содержать в полной исправности; и, во-вторых, производить передачу и прием телеграмм по кабелю в Севастополе русской почтово-телеграфной конторой²⁰.

Зиновьев сообщил о предшествовавших неудачных попытках Парижа получить согласие Порты на прокладку телеграфного подводного кабеля через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор и о своей договоренности с французским послом в Константинополе Ж.А.Э. Констаном поддержать его новое ходатайство. Помета царя на всеподданнейшем докладе 28 марта рядом со словами о поддержке четко выявила его позицию: “И познергичнее”²¹.

Мнение военных тоже было достаточно определенным. Куропаткин писал 11 апреля Ламздорфу: “Вопрос об установлении непосредственного и вполне обеспеченного телеграфного сообщения нашего Черноморского побережья с Босфором, и без того весьма важного в военном отношении, ныне получает особое значение, так как осуществление его создает непосредственное телеграфное сообщение России с Францией, необходимость которого при современной политической группировке европейских держав – неоспорима”. Он просил коллегу содействовать осуществлению этого плана²².

Но Ламздорф полагал, что вопрос о кабеле Севастополь – Бизерта не может считаться разрешенным в благоприятном смысле, поскольку Франция предполагает устроить его без вывода на турецкий берег. Поэтому “при всем сочувствии с политической точки зрения этому проекту”, министр иностранных дел сомневался, что этот кабель может служить цели России приобрести провод между Одессой и Босфором²³. Вопрос был снят с повестки дня. Весной 1902 г. французский военный министр через военного агента в Петербурге снова попытался выяснить возможность еще раз обра-

¹⁶ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 15–16. Повторный запрос: ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 35.

¹⁷ *Avice-Hanoun M.* Op. cit., p. 237.

¹⁸ АВПРИ, ф. 149, оп. 502/2, д. 6813, л. 1–1об.

¹⁹ Там же, л. 8.

²⁰ Там же, л. 5.

²¹ Там же, л. 9, 10.

²² Там же, л. 11–12.

²³ Там же, л. 13–15об.

таться к Порте по поводу своего кабеля, синхронизировав свой запрос с переговорами, которые велись русской стороной относительно кабеля Одесса – Константинополь. Но из этого тоже ничего не вышло²⁴.

Что же до возможности для России получить кабель Одесса – Константинополь, мнение Зиновьева прозвучало 26 марта 1902 г. четко и недвусмысленно: “В случае покупки Черноморского кабеля Императорским правительством, устройство нашей правительственной станции на Босфоре встретит упорное сопротивление со стороны турецкого правительства, подозревающего нас в замыслах на Босфоре”. Переход кабеля в ведение русского общества, уверял дипломат, будет встречен с предубеждением, но при известном давлении с русской стороны он считал вероятным добиться уступки. Наконец, возобновление концессии в пользу нынешнего ее владельца посол считал нежелательным: “Администрация общества состоит исключительно из англичан, которые, безусловно, подчиняются влиянию английских правительственных агентов”²⁵. Дальнейшее в полной мере показало правоту Зиновьева.

В пользу перехода кабеля Одесса – Константинополь в руки русского общества высказывался и военно-морской агент в турецкой столице капитан 1-го ранга К.В. Бергель. Он полагал даже, что новая компания, получив концессию, могла бы к тому же приступить к опытам устройства беспроводного телеграфа по линии Константинополь – Севастополь²⁶.

Заседавшая 28 марта 1902 г. комиссия под председательством Петрова приняла несколько важных решений²⁷. Во-первых, концессию на кабель Одесса – Константинополь не желательно оставлять в руках общества, имеющего правление в Лондоне, поскольку оно “преследует не только коммерческие, но и политические цели”. Концессию следует получить русскому правительству, предварительно убедившись в исправности кабеля. Во-вторых, в случае невозможности осуществить этот вариант, передать концессию русскому частному обществу, оставив в силе русско-турецкую конвенцию 1871 г. В-третьих, вопрос о прокладке кабеля Севастополь – Варна отложить до окончательного выяснения вопроса о кабеле Одесса – Константинополь. В-четвертых, морскому ведомству поручалось разработать меры для борьбы с умышленной порчей кабеля в водах Босфора и на случай разрыва с Турцией. Наконец, для переговоров с Турцией дать соответствующие инструкции послу в Константинополе.

В МИД имели свое мнение по этому вопросу, и в специальной записке подчеркивалась крайняя важность переговоров о проводе к Варне. Что касается линии Севастополь – Бизерта, то она, считали дипломаты, не отвечала задаче установления надежной связи с Босфором, поскольку не выходила на турецкий берег²⁸.

В апреле 1902 г. Черноморское телеграфное общество через своего уполномоченного попросило Петербург продлить концессию на эксплуатацию кабеля Одесса – Константинополь еще на год. Одновременно его представитель вступил в переговоры с Портой по этому вопросу²⁹. Тем временем Ламздорф побуждал Зиновьева приложить все усилия к тому, чтобы “устранить возможность всякого соглашения по означенному предмету между турецким правительством и англичанами”³⁰. Прозондировав в мае позицию Порты, посол сообщил, что от скрытных и недоверчивых турок ясный ответ можно получить лишь предъявив им конкретные предложения с русской стороны. При этом он по-прежнему был убежден, что устройство русской правительственной станции на Босфоре вызовет упорное сопротивление Порты³¹.

²⁴ *Avicé-Hanoun M.* Op. cit., p. 238–240.

²⁵ АВПРИ, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 36–36об.

²⁶ Российский государственный архив Военно-морского флота, ф. 417, оп. 1, д. 2478, л. 32об.

²⁷ АВПРИ, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 49–56.

²⁸ Там же, л. 43–46.

²⁹ Там же, л. 47.

³⁰ Там же, л. 66–66об.

³¹ Там же, л. 68–68об.

21 мая 1902 г. в Петербурге состоялось совещание по вопросу о прямых телеграфных сообщениях с Турцией и Болгарией. К этому времени в Главном штабе был выработан и согласован с МИД текст русско-болгарской военной конвенции, что укрепляло отношения между двумя государствами. 31 мая (13 июня) в ходе визита болгарской правительственной делегации в Россию конвенция была подписана³². Для реализации ее цели – противодействовать австро-румынской военной конвенции – в период возможных военных действий по совместно разработанному плану требовалась надежная связь. В таком случае кабель Севастополь – Варна мог бы сыграть важную роль.

На том же совещании обсуждался и такой вариант: отказавшись от услуг англичан – что “особенно небезопасно в период политических осложнений” – передать концессию на кабель французской компании. В пользу такого поворота дела говорила будущая организация прямых телеграфных сообщений между Россией и Францией, о которой шли переговоры. На материалах французских архивов некоторые попытки в этом направлении обозначила М. Авис-Анун³³.

Из двух возможных путей для такого кабеля – по северным или южным морям – предпочтение отдавалось первому, однако кабель Одесса – Константинополь, при условии нахождения в русских или французских руках, мог бы на первое время заменить прямое телеграфное сообщение между Россией и Францией, став составной частью французского кабеля Севастополь – Бизерта. Витте полагал, что, если не удастся получить согласие Турции передать концессию русскому частному обществу, Министерство финансов для обеспечения интересов России сможет организовать в этих целях французское общество, а французский посол в Константинополе энергично поддержит русского коллегу³⁴.

Совещание постановило: уполномочить Зиновьева ознакомить Порту с позицией Петербурга о недопустимости оставлять концессию на кабель Одесса – Константинополь в руках Черноморского телеграфного общества; начать переговоры о передаче ее русскому правительству; в случае неудачи – настаивать на выдаче концессии французскому обществу; вопрос о кабеле Севастополь – Варна отложить. Эти решения 6 (19) июня 1902 г. были одобрены царем, и Ламздорф направил журнал для ознакомления Зиновьеву. Кроме того, послу, который должен был прибыть в Петербург для консультаций, поручалось перед отъездом из турецкой столицы на прощальной аудиенции с султаном затронуть вопрос о телеграфном сообщении и этим “дать соответствующее направление делу, которому государь император придает особенно важное политическое значение”³⁵.

Две недели спустя Зиновьев сообщил, что проинформировал Абдул Хамида II о намерении России изменить порядок эксплуатации кабеля Одесса – Константинополь, но не обсуждал деталей, поскольку падишах оказался совершенно не в курсе дела³⁶. Следующая фаза переговоров началась лишь в середине сентября: Порты запросила сведения о русских компаниях, которым может быть предоставлено право эксплуатации кабеля. После согласования позиций МИД, МВД и министерства финансов было решено предъявить Порте требование выдать концессию Российскому обществу пароходства и торговли (РОПИТ)³⁷. Хотя Зиновьев поручение выполнял, турки загибали с ответом. Такая уклончивость, по мнению посла, объяснялась тем, что их связывало выданное в 1882 г. сроком на 50 лет обязательство английской компании, в силу которого она получала преимущественное право на все кабели между двумя пунктами турецкого побережья или между пунктом турецкого берега и прибрежным

³² См. *Мартыненко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967, с. 284–285.

³³ *Avise-Hanoun M.* Op. cit., p. 425–431.

³⁴ АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 22–28.

³⁵ Там же, л. 21; ф. 149, оп. 502/2, д. 6813, л. 83–83об.

³⁶ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 85.

³⁷ Там же, л. 86, 87, 89–90, 92, 94, 95, 97.

пунктом какого-либо другого государства. Нарушение обязательства грозило уплатой значительной по сумме неустойки³⁸.

Состоявшееся 28 октября 1902 г. в Ялте совещание, где наряду с министрами финансов, внутренних и иностранных дел присутствовал и Зиновьев, постановило безотлагательно заявить турецкому правительству о решении прекратить действие конвенции 1871 г. и затем вступить с Портой в переговоры о даровании концессии новому обществу. В случае затруднений посол должен был дать понять Турции, что Россия начнет переговоры с Болгарией о кабеле Одесса – Варна³⁹.

По ходу дела, однако, выявились разные подходы к трактовке правовой стороны вопроса о концессии. Если, по мнению министра внутренних дел В.К. Плеве, почтово-телеграфное ведомство на основании статей 9-й, 11-й и 15-й русско-турецкой конвенции 1871 г. считало возможным выдачу новой концессии другому обществу, то Зиновьев полагал, что такая акция возможна лишь при условии заключения новой конвенции, а иначе прежний концессионер имеет преимущественное право⁴⁰. Не смотря на разногласия Плеве и Зиновьева, Ламздорф с одобрения царя предоставил послу “избрать на месте тот путь, который вернее ведет к основной цели, а именно к изъятию из рук английской компании концессии на телеграфный кабель Одесса – Константинополь”⁴¹.

Тут возник еще один потенциальный концессионер – Индо-Европейское телеграфное общество. Его представитель Паженкофф (еще в 1899 г. получивший право содержания и эксплуатации принадлежащих обществу линий в пределах России), прибыв в Петербург из Лондона, предъявил уверенность от Черноморского телеграфного общества на возобновление концессии⁴². МВД просило МИД ускорить решение вопроса, объявив англичанам об отказе возобновить концессию.

Наиболее важными в этой фазе дела стали вопрос о сумме возможного иска⁴³ и затруднения международно-правового характера. Денежный вопрос оказался довольно деликатным. Не называя точных цифр, Тевфик-паша полагал, что Черноморское телеграфное общество не будет иметь права на иск, если русское и турецкое правительства сначала устроят кабель на свои средства, а потом передадут какому-либо частному обществу. Зиновьев сомневался в осуществимости такого варианта. Косвенным путем он выяснил, что Одесский кабель стоил английской компании 100–110 тыс. ф.ст. и оно готово его продать, скинув 10–15 тыс. ф.ст.

В конце декабря 1902 г. появился новый вариант. Представитель французского общества “Сосьете Индустриель де Телефон. Париж” Корвалло ходатайствовал перед русским и турецким правительствами о предоставлении концессии на кабель Одесса – Константинополь и предложил выкупить его у англичан или проложить собственный. Выкуп он оценивал в 2,5 млн. фр. или чуть меньше. Эта сумма, по словам Зиновьева, приблизительно соответствовала затратам англичан⁴⁴.

Тем временем в Петербурге выясняли международно-правовую сторону вопроса. 15 декабря 1902 г. директор Первого департамента МИД Н.Г. Гартвиг запросил заключение профессора Ф.Ф. Мартенса о юридическом праве передать концессию на кабель другому обществу⁴⁵. Подробно растолковав статьи русско-турецкой конвенции 1871 г., юрисконсульт МИД пришел к выводу, что сохранение ее в силе “есть основное условие для удовлетворительного решения в будущем вопроса о кабельно-телеграфных сношениях между Россией и Турцией”⁴⁶. По его мнению, обязательство,

³⁸ Там же, л. 100–105.

³⁹ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 31–32.

⁴⁰ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 109–111.

⁴¹ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 29–30об.

⁴² Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6807, л. 130.

⁴³ Там же, л. 139, 143, 145, 148, 149.

⁴⁴ Там же, л. 166.

⁴⁵ Там же, л. 151.

⁴⁶ Там же, л. 152–155.

выданное англичанам в 1882 г. на основании султанского фирмана, не отменяет русско-турецкой конвенции 1871 г., поэтому преимущественное право Черноморского телеграфного общества, а, следовательно, и право на денежный иск, вступает в силу только после отмены конвенции и заключения новой. Эту точку зрения разделял и Плеве⁴⁷.

В начале января 1903 г. Зиновьев запросил МИД об ответе на предложение Тевфик-паши об устройстве телеграфного сообщения силами двух правительств, не прибегая к содействию частных обществ⁴⁸. Ламздорф обратился за консультациями к Витте и Плеве, и межведомственная переписка пошла по новому кругу. Министр финансов, признав мнение Мартенса “основанным на весьма серьезных соображениях и изложенных весьма убедительно”, затруднился высказаться по этому “чрезвычайно тонкому вопросу международного права”. В принципе он не возражал против устройства телеграфной линии Одесса – Константинополь без частных обществ, но сначала хотел бы получить твердые гарантии беспрепятственной передачи корреспонденции⁴⁹.

Плеве поддержал точку зрения Мартенса, но, в отличие от Витте, решительно высказался за то, чтобы “отказаться от предложения относительно устройства особого кабеля средствами обоих правительств”, и предложил немедленно войти с турками в соглашение “о передаче дела другому концессионеру в лице русского или французского общества”⁵⁰.

Найдя заключение Мартенса весьма убедительным, Ламздорф, выяснив мнение коллег, 13 января 1903 г. телеграфировал его Зиновьеву. Послу предписывалось: “Войти в окончательные по сему предмету объяснения и настоять на выдаче новой концессии Русскому Обществу Пароходства и Торговли при условии сохранения в силе конвенции 1871 года”, что обеспечивало в полной мере государственные интересы России⁵¹. Однако посол упорно стоял на своем, утверждая, что Мартенс заблуждается относительно бессрочности русско-турецкой конвенции. По словам Зиновьева, турецкое предложение позволяет устранить повод к иску со стороны английского общества, которое уже заявило, что будет отстаивать свое преимущественное право в случае нового соглашения между Россией и Турцией об эксплуатации кабеля⁵².

Соображения Зиновьева были сообщены Мартенсу, который по просьбе Гартвига в конце января составил новый отзыв. Профессор права подтвердил свое прежнее убеждение в бессрочности русско-турецкой конвенции, отказ от которой “лишит Россию твердой почвы в переговорах с Турцией”⁵³. 25 января 1903 г. Ламздорф переслал Зиновьеву заключение Мартенса и, присоединившись к его точке зрения, настаивал на выполнении инструкций, данных в телеграмме от 13 января⁵⁴.

Проявляли беспокойство затяжкой решения и военные. Куропаткин 25 января просил Ламздорфа уведомить о положении дел, подчеркивая крайнюю заинтересованность своего ведомства в установлении телеграфных сношений с Болгарией, особенно на случай военных действий, во время которых телеграфные сообщения через Румынию и Австрию могут для России закрыться. Из дипломатического ведомства ответили, что вопрос о кабеле в Болгарию признан пока преждевременным, а Зиновьев получил инструкцию добиваться концессии для РОПИТ⁵⁵.

В эти же дни в Петербурге вновь появился Паженкопф с ходатайством предоставить концессию Индо-Европейскому телеграфному обществу, но на этот раз вполне самостоятельно, без участия Черноморского телеграфного общества, у которого был

⁴⁷ Там же, л. 159.

⁴⁸ Там же, д. 6808, л. 3.

⁴⁹ Там же, л. 5–6.

⁵⁰ Там же, л. 7–8.

⁵¹ Там же, л. 11–12.

⁵² Там же, л. 14–19.

⁵³ Там же, л. 31–32.

⁵⁴ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 42–42об.

⁵⁵ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 54–54об., 55–59.

готов выкупить кабель. К тому же он брал обязательство отказаться от нынешних субсидий и подчиниться всем условиям русского правительства по эксплуатации кабеля и личного состава на обеих станциях. Плеве запросил мнения МИД по этому предложению⁵⁶. Из ответа министра иностранных дел и справки, составленной в МИД, явствовало, что предложения Паженкофа были оставлены без рассмотрения⁵⁷. Порту известили о том, что русское правительство не возобновит концессии на эксплуатацию кабеля Одесса – Константинополь по истечении ее срока 26 января (8 февраля) 1903 г.⁵⁸

Между тем посол по-прежнему настаивал на верности своего взгляда, находя доводы Мартенса “мало убедительными”, а разъяснения неудовлетворительными, и просил новых указаний⁵⁹. Кроме того, в подтверждение своей правоты он представил записку второго драгомана посольства доктора международного права А.Н. Мандельштама, его позиция совершенно расходилась с мнением Мартенса и поддерживала точку зрения Зиновьева.

Резолюция царя на письме посла – “Думаю, что Зиновьев прав” – вынуждала В.Н. Ламздорфа к действиям, и 14 февраля 1903 г. он обратился за разъяснениями правовой стороны вопроса к министру юстиции Н.К. Муравьеву, предоставив тому заключение Ф.Ф. Мартенса и письмо И.А. Зиновьева. В пространном ответе министр постарался дать формально-логическое толкование вопроса⁶⁰.

По словесному смыслу статьи 15-й русско-турецкой конвенции, полагал Муравьев, возможны два варианта. Если новая концессия будет выдана на тех же условиях, тогда прежний концессионер не имеет никаких преимущественных прав; а если выдача новой концессии состоится на новых условиях, что требует заключения новой конвенции взамен действующей, то в этом случае прежний концессионер имеет преимущественное право принять новые условия. Следуя формальной логике, он полагал, что при заключении конвенции стороны могли преследовать две цели: перемену личности концессионера и изменение условий концессии. При этом срок действия договора должен был бы быть или точно указан в самом тексте, или вытекать из свойства соглашения, если оно направлено к достижению определенной цели, после чего договор утрачивает значение. Поскольку в конвенции 1871 г. не содержится постановления о сроке, не утверждается, что срок конвенции связан со сроком концессии, а также отсутствует указание на то, что с истечением действия концессии утрачивает значение и конвенция, Муравьев признавал конвенцию по характеру бессрочной.

Из этого вытекали следующие положения. Во-первых, с прекращением прежней концессии новая может быть выдана другому лицу на тот же срок и на тех же условиях без заключения новой конвенции. Во-вторых, заключение новой конвенции между Россией и Турцией необходимо лишь в случае желания изменить условия концессии. В-третьих, прежний концессионер получает преимущественное право на получение новой концессии только в случае заключения новой конвенции. Наконец, при выдаче новой концессии другому лицу на основании конвенции 1871 г. Черноморское телеграфное общество не в праве требовать возмещения убытков.

Но в заключении министр юстиции был вынужден признать, что, во-первых, “наличие разномыслия в истолковании отдельных постановлений конвенции и концессии служит доказательством недостаточно ясной редакции означенных договоров”, а, во-вторых, дает Черноморскому телеграфному обществу возможность для предъявления русскому и турецкому правительствам “тех или других притязаний, исход коих представляется не вполне бесспорным”. Осторожнее и целесообразнее, по мнению Муравьева, было бы вступить в соглашение с Портой относительно устройства кабеля

⁵⁶ Там же, л. 38–38об.

⁵⁷ Там же, л. 40–40об., 41–42.

⁵⁸ Там же, л. 39.

⁵⁹ Там же, л. 63–68.

⁶⁰ Там же, л. 74–81об.

на средства двух правительств, воспользовавшись готовностью Черноморского телеграфного общества продать кабель⁶¹.

Опираясь на этот отзыв министра юстиции, Ламздорф 3 (16) мая подтвердил инструкцию послу – добиваться предоставления концессии РОПИТ⁶². В ответ Зиновьев переслал записку турецкого МИД, в которой вопрос ставился однозначно: или устройство кабеля на средства двух правительств, или неизбежность иска⁶³. Еще месяц ушел на согласование позиций МИД, МВД и министерства финансов о гарантиях выплаты вознаграждения Черноморскому телеграфному обществу в случае передачи концессии РОПИТ⁶⁴. Плеве не возражал против гарантий, но при условии, “чтобы расходы по сему предмету не были относимы на смету Министерства внутренних дел”, а Витте был согласен предоставить таковые⁶⁵.

5 (18) июня Ламздорф проинформировал Зиновьева об этом, поручив объяснить с турецкими дипломатами⁶⁶. 8 (21) июля посол направил записку министру иностранных дел, но дело “зависло”, поскольку из-за разгара македонских событий Порта не давала ответа на русское предложение. Только в начале октября 1903 г. и после неоднократных напоминаний Зиновьеву удалось получить меморандум оттоманских министров. Не отвечая прямо на сформулированные послом заявления, турки повторяли свои прежние предложения. Кроме того, Зиновьев получил письмо Корвалло с условиями, на которых французское общество готово принять на себя прокладку и содержание нового кабеля⁶⁷.

В другой депеше от того же 9 (22) октября 1903 г. Зиновьев доложил Оболенскому результаты объяснений с великим визирем Ферид-пашой: Порта не возражает против выдачи новой концессии обществу, рекомендованному русским правительством (например РОПИТ), поскольку министерство финансов гарантирует уплату вознаграждения в случае претензий со стороны Черноморского телеграфного общества, но по-прежнему предпочитает передать кабель в руки русского и турецкого правительств с обязательным условием сохранения константинопольской станции в исключительном ведении турецкой администрации. Посол подчеркнул, что от этого условия Турции “трудно будет отказаться” и даже в случае передачи концессии РОПИТ она назначит на станцию своих контролеров.

Такая позиция, по верной оценке Зиновьева, объяснялась тем, что “султан и его министры никак не могут отрешиться от подозрения, что Россия намерена при первом удобном случае утвердиться на Босфоре. Предоставление черноморского кабеля всецело в ведение русского правительства может, по их мнению, облегчить нам осуществление этого замысла”. Тем не менее, полагая возможным сделать еще одну попытку придти к компромиссному решению, посол запрашивал указаний МИД по двум спорным вопросам⁶⁸.

Снова началась междуведомственная переписка, и 3 (16) ноября Ламздорф сообщил Зиновьеву предложения, выдвинутые МВД: обслуживать станцию в Константинополе русскими телеграфистами; гарантировать доход, получаемый ныне почтово-телеграфным ведомством; в случае невозможности обеспечить работу кабеля на этих условиях, немедленно приступить к прокладке кабеля Севастополь – Варна⁶⁹.

28 ноября (11 декабря) 1903 г. Зиновьев, вновь обратившийся к великому визирю с конфиденциальной запиской и устно к султану через его первого секретаря, узнал, что вопрос будет вынесен на рассмотрение совета министров. Но тут великий визирь

⁶¹ Там же, л. 72–73.

⁶² Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 45–45об.

⁶³ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 97.

⁶⁴ Там же, л. 98–99, 100–101.

⁶⁵ Там же, л. 102, 103, 104.

⁶⁶ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 53–53об.

⁶⁷ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 112–114об.

⁶⁸ Там же, л. 125–127об.

⁶⁹ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 55–56.

предоставил Зиновьеву копию записи словесной ноты английского правительства, датированную еще 20 января (8 февраля) 1903 г., переданную послом в Константинополь О'Коннором. Со ссылкой на статью 15-ю конвенции тот настаивал на преимущественном праве Черноморского телеграфного общества получить концессию на новый срок. Нарушение этой статьи, утверждалось в ноте, “не только даст право потребовать от Порты значительного денежного вознаграждения, но и произведет самое неблагоприятное впечатление на Великобританское правительство”⁷⁰.

Переговоры вновь застопорились, к тому же начавшаяся русско-японская война отодвинула на задний план все остальные вопросы. Только в марте 1904 г. почтово-телеграфное ведомство России поинтересовалось состоянием дела. Объяснялось это тем, что 18 июня (1 июля) вступали в силу постановления Лондонской телеграфной конференции 1903 г. и, следовательно, прекращалось действие такс, установленных Будапештской телеграфной конференцией 1896 г. К тому же истекали срок послов-ной субсидии в пользу Черноморского телеграфного общества, да и срок самой концессии⁷¹.

На запрос из МИД Зиновьев 1 (14) апреля сообщил, что за прошедшее время неоднократно говорил с Тевфик-пашой и Ферид-пашой, но каждый раз те заявляли, что “угроза, высказанная в ноте О'Коннором, слишком многозначительна, чтобы Порта могла пренебречь ею”, поскольку “Англия располагает обширными средствами выместить на Турции свое негодование”. Турки повторили прежнее предложение о совместном устройстве нового кабеля, пообещав, что через год передадут заведывание им правительству России или частной компании по его выбору. Правда, дать формальное письменное обязательство на этот счет они отказались. Посол, не привыкший вообще верить туркам, полагал, что только английская угроза удерживает их пойти навстречу русским предложениям, и склонялся к тому, чтобы продолжать переговоры, а не торопиться с кабелем Севастополь – Варна, как настаивало МВД.

Резолюция Николая II на депеше посла – “Желательно, чтобы дело устроилось” – подталкивала к поискам решения, но МИД и МВД перекладывали его друг на друга. Плеве 5 (18) апреля сообщил Ламздорфу о новом предложении Паженкопфа: разрешить Индо-Европейскому обществу от имени Черноморского телеграфного общества продолжать эксплуатацию кабеля в течение пяти лет с сохранением его прав и обязанностей, но без формального возобновления концессии. Учитывая, что телеграфные сношения России с Турцией в ущерб финансовым и политическим соображениям должны будут с 18 июня (1 июля) 1904 г. производиться через Австрию, он признавал предложение заслуживающим внимания и просил заключения дипломатического ведомства⁷².

Но министр иностранных дел захотел сначала узнать суждение коллеги о сообщении посла, и на этот раз ответ Плеве, датированный 18 апреля (1 мая), был возвращенным и конкретным. Оба возможных варианта – и прокладка нового кабеля, и покупка старого – представлялись министру невыгодными. Выкуп существующего за 3,250 млн. фр. признала неподходящим еще комиссия Петрова, а устройство нового потребует затрат в 1 млн. руб. и около полугода подготовки. Полагая, что вопрос надо согласовать с министерством финансов, Плеве предвидел, что “новые, скольконибудь значительные расходы едва ли будут признаны возможными при настоящих политических событиях на Дальнем Востоке”. Поэтому он предлагал временно сохранить статус кво, оставив за Черноморским телеграфным обществом субсидии без формального продления концессии⁷³.

Зиновьев тоже считал прекращение эксплуатации кабеля в высшей степени нежелательным и поддержал решение о возобновлении субсидии на возможно короткий

⁷⁰ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 146–154.

⁷¹ Там же, л. 144.

⁷² Там же, л. 160–161.

⁷³ Там же, л. 163–166.

срок. Но он по-прежнему предлагал заключить новую конвенцию с Турцией⁷⁴. В мае 1904 г. Паженкопфу было сообщено решение: разрешить Черноморскому телеграфному обществу в течение двух лет эксплуатировать кабель и пользоваться пословной субсидией⁷⁵. И все же в Петербурге сохраняли надежду добиться перехода кабеля к русскому обществу.

В мае же стало известно, что между Турцией и Германией наметилось соглашение о проведении телеграфного кабеля Константинополь – Констанца. Ламздорф поручил Зиновьеву внимательно “следить за дальнейшими переговорами, чтобы использовать их как прецедент в наших переговорах с Портой”⁷⁶. В конце сентября в прессу просочились слухи о том, что германо-турецкий договор подписан сроком на 30 лет. 18 (31) октября 1904 г. Ламздорф запросил Зиновьева о степени достоверности этой информации и возможности использовать факт соглашения для дальнейших настояний с русской стороны по поводу кабеля Одесса – Константинополь⁷⁷.

По сообщению русского консула в Тульче С.А. Вестмана от 30 сентября 1904 г., Берлин с 1899 г. добивался согласия султана на прокладку кабеля, но дело не двигалось из-за затруднений, чинимых английским Восточно-Европейским телеграфным обществом. Пока тянулись переговоры, немцы провели линию Берлин – Будапешт – Констанца, она должна была стать частью телеграфной линии вдоль Багдадской железной дороги⁷⁸. Затем они добились концессии на прокладку кабеля Константинополь – Констанца, который, по словам канцлера Б. Бюлова, “даст нам в руки прямое сообщение с Константинополем и, возможно, положит начало новой мировой линии”⁷⁹.

Резолюция Николая II на депеше Вестмана – “В каком положении вопрос о проложении нашего кабеля из Одессы или Севастополя в Царьград?” – весьма показательна для понимания его настроения. Свою позицию по вопросу о проливах царь вполне отчетливо выразил в конце января 1897 г. Прочитав составленную тогда же Мартенсом “Записку о проливах Босфорском и Дарданельском”, он во многом солидаризировался с автором, начертав на полях: “Пока только можно наметить цели нашей политики в вопросе о проливах и захват Дарданелов, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно достигнуть этой цели – этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств”. К этим обстоятельствам следовало быть готовым, и, возможно, в уме монарха успех экспедиции на Босфоре обрел образ “щита на вратах Цареграда”⁸⁰. От министра иностранных дел резолюция потребовала пояснений: во всеподданнейшей записке 21 октября (3 ноября) он доложил о поручении Зиновьеву форсировать переговоры с турками⁸¹.

Однако в ноябре 1904 г. Зиновьев выяснил, что германо-турецкий контракт о кабеле Константинополь – Констанца не может быть использован в качестве прецедента в русско-турецких переговорах. Все заключалось в том, что Румыния, поддержанная Германией, получила согласие Порты на предоставление ей концессии на кабель Константинополь – Констанца раньше, чем с той же просьбой к ней обратилось Восточно-Европейское телеграфное общество. Этому последнему Порта сообщила условия, на которых немцы брались проложить кабель, и назначила двухмесячный срок, до его истечения английская компания должна или проложить кабель на тех же условиях, или отказаться от этого. Но поскольку между Берлином и Бухарестом уже было подписано соглашение, а Румыния не давала концессии английскому обществу, оно не

⁷⁴ Там же, л. 172–172об.

⁷⁵ Там же, л. 169.

⁷⁶ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 71–72.

⁷⁷ Там же, л. 74–74об.

⁷⁸ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 174–174об.

⁷⁹ Цит. по *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. М., 1960, с. 559.

⁸⁰ *Мартенс Ф.Ф.* Записка о проливах Босфорском и Дарданельском. 31 января (12 февраля) 1897 г. – Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. М., 2004, с. 86–100.

⁸¹ АВПРИ, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 175–177.

могло принять предложения Порты. К тому же турки получили от немцев гарантию уплаты издержек в случае предъявления иска со стороны Восточно-Европейского общества⁸².

В виду того, что 1 июля 1906 г. истекал двухлетний срок продления концессии Черноморскому телеграфному обществу, в январе этого года Ламздорф вновь осведомился у Зиновьева о положении дела, сообщив помету Николая II о желательности настоять на своем решении вопроса. 16 февраля посол в очередной раз предложил принять предложения турецкой стороны и запрашивал точных указаний министра⁸³. Но их не последовало. Вместо этого два маститых дипломата начали обмениваться взаимными упреками в неточностях объяснений, в отсутствии достаточно ясных инструкций, в несостоятельных обещаниях⁸⁴. Долголетние уважительные и даже дружеские отношения оказались едва ли не на грани разрыва.

Зиновьев за все время переговоров не изменил своего мнения относительно первостепенной важности для России кабеля Одесса – Константинополь, самым веским доводом в пользу которого служило то, что, по словам посла, “наши государственные политические задачи, касающиеся Ближнего Востока, сосредоточены на Босфоре”. Прекращение непосредственного телеграфного сообщения России с турецкой столицей позволит германскому обществу монополизировать связь, “эксплуатируя кабель Константинополь – Констанца, и послужит к упрочению влияния Германии на Босфоре”⁸⁵.

В рассуждениях посла было много верного, но отстаивать свои позиции в переговорах становилось все труднее и потому, что международное положение России в виду внутренних и внешних потрясений сильно пошатнулось. К апрелю 1906 г. вопрос о передаче концессии на кабель Одесса – Константинополь русскому частному обществу все еще оставался открытым; а концессия Черноморскому телеграфному обществу вновь была продлена до 1 июля 1909 г.⁸⁶ На этом этапе Ламздорф был вынужден признать окончательную неудачу переговоров. Вследствие настояний МВД пришлось подумать о возобновлении диалога с Болгарией относительно кабеля Севастополь – Варна⁸⁷. Однако приступили к обсуждению этого вопроса лишь в декабре 1907 г.

Новый министр иностранных дел А.П. Извольский, сообщив И.А. Зиновьеву мнение министра внутренних дел П.А. Столыпина и начальника Генерального штаба генерала Ф.Ф. Палицына о том, что прокладка кабеля Севастополь – Варна сможет нивелировать неблагоприятные последствия сохранения кабеля Одесса – Константинополь в английских руках и облегчит переговоры с Портой, просил его заключения⁸⁸. Посол утверждал, что даже в случае возобновления переговоров Порты не отступит от заявленных ранее позиций. В контексте обострившейся борьбы западноевропейских государств за эксплуатацию естественных богатств Турции и их особом внимании к средствам сообщения с ее столицей, Зиновьев полагал, что России необходимо заботиться о сохранении своих сообщений с Константинополем, и опасался, что натянутые отношения Турции с Болгарией могут привести к недоразумениям⁸⁹.

Резолюция царя на письме посла – “Нужно серьезно обсудить” – побудила чиновников в Петербурге принять срочные меры. Поскольку почтово-телеграфное ведомство не располагало средствами для приобретения в свою собственность старого или устройства нового кабеля, снова было принято предложение Черноморского телеграфного общества о продлении концессии на очередной срок на прежних условиях.

⁸² Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4216, л. 34–37.

⁸³ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 182–187об.

⁸⁴ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 75–77; ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 192–204об.

⁸⁵ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 204.

⁸⁶ Там же, л. 179, 180, 208–208об.

⁸⁷ Там же, л. 181.

⁸⁸ Там же, ф. 180, оп. 517/2, д. 4215, л. 91–92.

⁸⁹ Там же, ф. 149, оп. 502/2, д. 6808, л. 236–241.

С другой стороны, были начаты переговоры с Болгарией, о чем Извольский 22 января (4 февраля) 1908 г. поставил в известность Зиновьева⁹⁰.

Во всеподданнейшем докладе от 30 января (12 февраля) министр напомнил Николаю II шестилетнюю историю вопроса переговоров о кабеле Одесса – Константинополь. Он констатировал: “Приходится считаться с окончательным нежеланием Порты предоставить заведывание кабелем русскому или французскому обществу, не говоря уже о передаче такового в исключительное распоряжение русского правительства”⁹¹. Поскольку П.А. Столыпин и Ф.Ф. Палицын настаивали на скорейшем соединении России с Болгарией самостоятельным телеграфным проводом, а новый министр финансов В.Н. Коковцов был готов отпустить необходимые для этого средства, посланнику в Софии Д.К. Сементовскому-Курило поручили немедленно начать переговоры о кабеле Севастополь – Варна.

Стороны быстро пришли к согласию. После незначительной редакционной правки проект договора из девяти статей был одобрен царем, а затем подписан Сементовским-Курило в конце февраля 1908 г. По условиям договора все расходы по прокладке и поддержанию кабеля от Севастополя до Варнинского берега брало на себя императорское правительство, которое на этом основании становилось его полным собственником⁹².

Вместе с тем от надежд со временем договориться с Портой не отказались. Зиновьев полагал, что независимо от устройства кабеля Севастополь – Варна сохранение существующего телеграфного сообщения с Константинополем “является более чем желательным не только в целях развития торговых сношений с Турцией, но и в силу политических интересов, так как осуществление прокладки кабеля Севастополь – Варна, хотя до известной степени и уменьшит остроту вопроса о непосредственном сообщении с Босфором, тем не менее все-таки не разрешит его в окончательной форме”. Это мнение посла, видимо, импонировало царю, который на всеподданнейшем докладе Извольского начертал: “Я не согласен на оставление телеграфного сношения между Россией и Турцией в руках английской компании. Конечно нужно изыскать средства для проведения кабеля из Севастополя в Царьград”⁹³.

Это пожелание, однако, осталось втуне. Обеспечить установление надежной и подконтрольной ей телеграфной связи с Константинополем России в то время так и не удалось. Успеху переговоров о кабеле не способствовали с русской стороны – разногласия между разными ведомствами, нерешительность их руководителей, отсутствие финансирования для строительства собственной линии, с турецкой – затяжки и уклончивость в переговорах, явная боязнь санкций со стороны Лондона и опасения активных действий со стороны Петербурга. Осенние маневры 1903 г. Черноморского флота с учебной высадкой десанта только усилили тревогу Порты – ее ответ на ноту о кабеле в октябре того же года свидетельствовал о взаимосвязи этих событий. В результате недоверие в русско-турецких отношениях нарастало. Кроме того стало ясно, что любые попытки России в подготовке решения вопроса о Проливах вызовут активное противодействие со стороны Англии.

⁹⁰ Там же, л. 242–243об.

⁹¹ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 82, л. 4об.

⁹² Там же, л. 7–7об., 8–9.

⁹³ Там же, л. 6об.